

УДК 821.111

ББК 83.3

Ю.И. Семенченко**МОТИВ ШЛЯПЫ
В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ
С. БЕККЕТА (на материале
рассказов «Конец»,
«Первая любовь»
и «Изгнанник»)**

Рассматривается реализация семантики мотива шляпы на материале малой франкоязычной прозы Беккета («Конец», «Первая любовь» и «Изгнанник»). Будучи многообразно варьируемым, лейтмотивный образ шляпы вступает в связь с другими мотивами, обеспечивая таким образом единство онтологии художественного мира автора. Исследуется связь лейтмотивного повтора с основными темами творчества Беккета, синтезирующего экзистенциально-философское и личное начала.

Ключевые слова: *(лейт)мотив, экзистенциализм, опыт, телесность, Беккет.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-136-144

Семенченко Юрий Игоревич – аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7 -928-964-34-20
E-mail: yurisemenchenko@yandex.ru

© Семенченко Ю.И., 2019.

Мотив как явление художественной словесности представляет собой «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [Хализев, 2004, с. 280]. Последние десятилетия отмечены ростом интереса к проблеме мотива со стороны исследователей, работающих в сфере исторической и теоретической поэтики [Силантьев, 2004, с. 58]. Для второй области научных изысканий ключевыми являются идеи Б.В. Томашевского о тематичности мотива, а также представления В.Б. Шкловского о мотиве как теме, обнаруживающей смысловое движение сюжета в рамках отдельного произведения [Там же, с. 60]. Особый интерес в системе координат общей поэтики представляют идеи Е. Фарыно, в работах которого мотив рассматривается как *элемент текста, способный «получить вторичное значение»* [Фарыно, 2004, с. 392].

Концепция мотива, предложенная Е. Фарыно, представляется особенно значимой при выявлении возможностей для «вторичной семантизации» (лейт)мотивов в текстах одного из крупнейших прозаиков и драматургов XX в. Сэмюэла Беккета. В рамках данной статьи фокус нашего внимания сосредоточен на анализе функционального потенциала лейтмотива шляпы (закономерности его вариаций в исследуемых текстах, обнаружении экзистенциальной подоплеки лейтмотивного повтора), обеспечивающего единство элементов художественного мира Беккета в рассказах «Конец» («La fin»), «Первая любовь» («Le

premier amour») и «Изгнанник» («L'expulsé»). Именно в этих произведениях, относящихся к зрелому периоду творчества (1946 г.) исследуемого автора, все настойчивей звучит лейтмотив, пронизывающий целый ряд беккетовских текстов.

Следует отметить, что при обращении к мотивике конкретного автора мы не можем уйти от необходимости вычленять заложенный в ней потенциал субъективно значимых событий биографического характера. Здесь уместно вспомнить о перманентном характере переживаемой Беккетом экзистенциальной ситуации, сопряженной, прежде всего, с потерей отца, после смерти которого Беккет оставляет преподавательскую деятельность и обращается за помощью к психоаналитику [Knowlson, 1996, p. 173]. Примечательно, что именно в этот период Беккет высказывает мнение о том, что человеческое существование представляет собой болезнь, начинающуюся в детстве [Bair, 1978, p. 170]. В этом отношении важно, что непосредственно на момент написания исследуемых нами рассказов жизнь писателя была омрачена болезнью его матери [McDonald, 2006, p. 7–17], тяжелое состояние здоровья которой во многом обуславливает сопряженность категории воплощения в творчестве Беккета с болью пребывания человека в мире в качестве живого, обладающего телом существа.

Но прежде чем указать на смыслы и функции, которыми нагружается лейтмотив шляпы, представляется целесообразным обратиться к работам, фокус внимания которых затрагивает мотивику беккетовских текстов. В зарубежном литературоведении исследованию творчества Беккета посвящено значительное количество работ. Среди них присутствуют как монографии, рассматривающие целый ряд различных по своей жанровой природе произведений (Doherty, 1971, Kennedy, 1989, Astro, 1990, McDonald, 2006, Gontarski, 2014), так и исследования, фокус внимания которых сосредоточен на определенном аспекте творчества автора (Harvey, 1960, Esslin, 1961, Fletcher, 1977, Rabinovitz, Murphy, 1992, R. Cohn, 2001). В отечественном беккетоведении следует отметить работы И. Дюшена и М. Кореневой (И. Дюшен 1991, Коренева 1995, 2000, 2002), посвященные изучению драматургического наследия Беккета, а также труд Д. Токарева (2002), сфокусированный на исследовании беккетовской прозы. Однако, говоря о функциональном потенциале лейтмотива шляпы в художественных произведениях исследуемого автора, особенно значимыми, на наш взгляд, представляются идеи и концепции, заявленные Л.Е. Харви, А. Астро и Р. Кон в отношении обнаруживаемых в текстах Беккета подобию (повторах).

Так, в работе «Искусство и экзистенциальное в “В ожидании Годо”» («Art and Existential in “En attendant Godot”», 1960) Харви, обращаясь к эпизоду, в котором Владимир и Эстрагон надевают по очереди шляпы, передавая их друг другу, связывает лейтмотив шляпы у Беккета с попыткой автора «создать ощущение пространства, лишенного какой-либо уникальности» [Harvey, 1960, p. 139] (здесь и далее все цитаты из научных и литературно-критических источников приводятся в нашем

переводе. – Ю.С.). Данное предположение исследователь подтверждает весьма интересным наблюдением. Так, рассматриваемому эпизоду игры со шляпами предшествуют строки, представляющие собой своего рода «вербальный круг» (Харви), прочерчиваемый благодаря различным комбинациям названий географических локусов Франции: «<...> на Сене Сене и Уазе Сене и Марне Марне и Уазе» [Беккет, 2010, с. 50]. Подобный повтор одних и тех же слов, не способных адекватно отражать реальную действительность, обесмысливает, по мнению Харви, пространственную организацию беккетовского текста [Harvey, 1960, p. 139]. Нетрудно заметить, что активно передаваемая из рук в руки шляпа выполняет сходную – суггестивную функцию, способствуя созданию экзистенциального ощущения разлада и «дурной цикличности».

Весьма любопытными представляются наблюдения, сделанные Е. Доценко, которая в своем диссертационном исследовании подчеркивает вставной характер эпизода с «чаплинскими» шляпами. Исследователь отмечает, что игра с котелками «из клоунады превращается в чистую пантомиму <...> напоминающую немое кино» [Доценко, 2006, с. 137–138]. Таким образом, шляпы-котелки, которые активно роняют, снимают и надевают протагонисты, представляют собой аллюзии к немому кино, к арсеналу которого зачастую обращается Беккет [Там же]. Отметим и то, что головные уборы персонажей котелками называет сам автор («*Tous ces personnages portent le chapeau melon*»), но не в ремарках, а очень необычно для драматических текстов – в постраничных сносках [Там же]. Подобные наблюдения представляются особенно значимыми, поскольку именно шляпа-котелок фигурирует в некоторых из исследуемых нами произведений («Конец», «Успокоительное»).

По-другому лейтмотив шляпы предстает у Астро. Так, в главе, посвященной пьесе «В ожидании Годо», исследователь заостряет внимание на эпизоде, в котором демонстрируется неспособность Лаки – одного из действующих лиц произведения, мыслить с непокрытой головой, то есть без шляпы: «Велите ему думать. – Подайте ему его шляпу. – Его шляпу? – Он без шляпы думать не может» [Беккет, 2010, с. 47]. Таким образом, шляпа в художественном мире беккетовских текстов обеспечивает субъекту «способность мыслить» [Astro, 1990, p. 57-58]. Далее ученый ярко иллюстрирует свою идею, обращаясь к первой части знаменитой прозаической трилогии Беккета – роману «Моллой»: «Моллой знает, что он жив, пока у него есть шляпа. Однако тот факт, что шляпа может менять своих владельцев или быть запросто переданной кому-то другому <...> показывает нам, до какой степени остается по-прежнему нерешенным вопрос о смысле нашего бытия. Именно поэтому Моллой привязывает свою шляпу [к петлице. – Ю.С.] с помощью шнура» [Astro, 1990, p. 58]. (Перевод цит. наш. – Ю. С.). Как мы видим, лейтмотив шляпы у Беккета варьируется, вступая в связь с другим лейтмотивом – лейтмотивом «шнура». Таким образом, Астро рассматривает лейтмотив как содержательный элемент, сопряженный, с одной стороны, с проблематизацией Беккетом феномена субъекта, с другой – с постановкой во-

проса о смысле бытия. Подчеркнем также и то, что внимание исследователя сфокусировано не только на текстах отдельного жанра, например, драматических, но и на прозаическом наследии автора, что расширяет возможности трактовки лейтмотивного повтора как концептуально значимого фактора при анализе отдельного художественного текста.

Среди исследований, затрагивающих проблему функции лейтмотива шляпы непосредственно в беккетовской малой прозе, следует особо отметить работу Р. Кон «A Beckett Canon» (Мичиган, 2001). Так, ученый, обращаясь к рассказу «Изгнанник», заостряет внимание на эпизоде, в котором оказавшийся выставленным за дверь главный герой вспоминает случай из детства, когда отец повел его в магазин и купил ему шляпу: «Когда голова моя достигла не то чтобы окончательных, но своих максимальных размеров, отец сказал мне: “Что ж, сынок, пора идти за твоей шляпой <...>”» [Беккет, 2015, с. 79]. В связи с данным эпизодом Кон приходит к выводу, что «тема памяти является, пожалуй, одной из центральных в этом сложно организованном тексте» [Cohn, 2001, р. 142]. Подобные наблюдения позволяют обнаружить в лейтмотивном повторе события, причастные личному опыту писателя, и одновременно эксплицируют трудность, с которой сталкивается исследователь, игнорирующий биографическое начало мотивики конкретного автора.

Завершая обзор вышеуказанных литературно-критических источников, отметим некоторые из выделенных исследователями функций лейтмотива шляпы в художественном мире беккетовских текстов:

- во-первых, это суггестивная функция повторяемого лексического блока, привлекающая внимание читателя к таким важным аспектам авторского художественного мира, как условность пространства наряду с трагическим ощущением разлада (Л.Е. Харви);
- во-вторых, лейтмотивный повтор связан с аллюзиями к другим видам искусства (например, к кинематографу), близким Беккету (Е. Доценко);
- в-третьих, повторяемый в пределах текста мотив шляпы нагружается тематической функцией, которая заключается, с одной стороны, в проблематизации феномена субъекта, с другой – в постановке вопроса о бытии (А. Астро);
- в-четвертых, в ряде случаев лейтмотивный образ шляпы отличается тонкой нюансировкой в обнажении личного начала в творчестве Беккета (Р. Кон).

Принимая во внимание вышеизложенные выводы, проследим реализацию семантики лейтмотива шляпы в исследуемых нами послевоенных новеллах («Конец», «Первая любовь», «Изгнанник») Беккета.

Так, в рассказе «Конец» описываются скитания старика, оказавшегося изгнанным из своей комнаты и вынужденного искать себе новое убежище. В конце повествования герой совершает своего рода самоубийство, найдя пристанище в заброшенной лодке, похожей, из-за крышки, сооруженной самим протагонистом, на настоящий гроб, в котором старик отправляется в открытое море. Исследуемый нами лейтмотив-

ный образ шляпы возникает уже с первых страниц рассказа: перед тем, как героя выпускают из некоей институции, по-видимому, госпиталя, ему выдают одежду и деньги: «Они одели меня и дали мне денег. <...> Одежда – туфли, носки, брюки, рубашка, пиджак и шляпа – была не новая <...>. Так или иначе, но шляпа была котелок, и в хорошем состоянии» [Беккет, 2015, с. 41–42]. Так, сразу же выявляемый читателем повышенный модус условности пространственной организации произведения, закрепляется образом шляпы-котелка, который, в свою очередь, вступает в связь с другими мотивно-тематическими комплексами (в особенности, денег или оставленного наследства, ботинок, шнурка и др.). Это предположение подтверждается наблюдениями над функционированием лейтмотива шляпы в других исследуемых текстах.

Так, в рассказе «Первая любовь», для которого характерна большая степень событийности по сравнению с другими исследуемыми нами текстами, речь идет о молодом человеке, оказавшемся изгнанным из своего дома после смерти отца. Отношения главного героя с женщиной, которую вначале зовут Лулу, а затем Анной, ведут к утрате протагонистом своей идентичности, который из асоциального бродяги-маргинала превращается в обезличенное существо, стремящееся только к покою. Вероятно, сюжет данного произведения во многом является автобиографическим, поскольку, по словам биографа писателя Дэрдр Бэр, Беккет дал согласие на публикацию рассказа только после смерти женщины, о которой говорится в тексте [Токарев, 2002, с. 51]. С точки зрения исследуемого нами лейтмотивного повтора следует отметить, что появляющийся в самом начале рассказа образ шляпы во многом призван подчеркнуть условность пространства мира художественного произведения: «В этом крошечном пространстве, лишь с трех сторон закрытом от взглядов посторонних, мне и предстояло сменить домашний халат и ночную рубашку на выходную одежду, то есть носки, туфли, брюки, рубашку, пиджак, пальто и шляпу <...>» [Беккет, 2015, с. 11]. В данном примере цепь мотивов, среди которых присутствует исследуемая нами шляпа, обнаруживает в высшей степени условный характер внутреннего локуса, лишенного каких-либо неповторимых, присущих только ему черт.

Лейтмотивный образ шляпы функционирует сходным образом и в рассказе Беккета «Изгнанник», главный герой которого, оказавшись на улице, вынужден искать себе новое пристанище. Передвижения протагониста в рамках пространства художественного произведения и взаимодействия с целым рядом внутренних локусов, служащих герою случайным убежищем, приобретают почти сюрреалистические очертания [Cohn, 2001, p. 129]. Как и в двух предыдущих рассматриваемых нами рассказах, образ шляпы-котелка, возникающий уже с первых страниц текста, функционирует сходным образом: будучи инкорпорированным в ранее выявленный нами ряд повторяемых лексических блоков, повторяющийся лейтмотивный образ шляпы передает цикличность пространства, обнаруживаемую вокруг себя и конструируемую протагонистом одновременно. В этом отношении неслучайна траектория, которую

выписывает в воздухе шляпа, брошенная вслед выставленному из дома герою рассказа «Изгнанник»: «Но то оказалась всего лишь моя шляпа, которая, кружась, достигла меня по воздуху» [Там же, с. 79]. С точки зрения вводимой образом шляпы вездесущей цикличности данный эпизод обнаруживает преемственность со сценой из рассказа «Конец», в которой главный герой совершает весьма любопытные манипуляции с выданной ему благотворительным заведением шляпой-котелком: «В свою шляпу, по кругу, я воткнул листья в целях затенения» [Там же, с. 55]. Таким образом, лейтмотив шляпы вводит цикличность как постоянное, инвариантное свойство художественного мира Беккета, призванное, в свою очередь, подчеркнуть условный характер пространства в рассматриваемых текстах.

Отметим также, что с лейтмотивом шляпы связан другой мотив, пронизывающий целый ряд произведений Беккета, в том числе и исследуемые нами рассказы – «мотив изгнания первого человека из рая». В этом отношении интересны наблюдения, сделанные А. Куссо в работе, посвященной исследованию топографии рассказа «Первая любовь»: «Пространство [у Беккета. – Ю.С.] приобретает онтологическую значимость. Одна из основных проблем, с которой сталкивается беккетовский субъект, связана с поиском некоего локуса, который мог бы стать домом для его бытия. Однако здесь и проявляется двойственный характер подобных поисков: убежище или укрытие, которое главный герой всеми силами стремится обрести, одновременно отвергается им самим же <...>» [Cousseau, 2000, р. 53]. Говоря о вариации лейтмотива шляпы, который, несомненно, входит в связь с мотивом «изгнания первого человека из рая», следует особенно отметить сцену из рассказа «Изгнанник», в которой герой переходит от подробного повествования о своей шляпе к созерцанию герани, стоявшей на подоконнике дома, из которого был изгнан протагонист: «Когда отец скончался, я был волен избавиться от шляпы <...>. Я перешел улицу и повернулся лицом к дому, из которого меня только что выпшвырнули <...>. Какой же он был красивый! На окнах виднелись горшки с геранью» [Беккет, 2015, с. 80–81]. Так, возникающий в данном эпизоде цветок подчеркивает связь между домом и райским садом – Эдемом, в который главный герой желает вернуться. Таким образом, лейтмотив шляпы, вступая в связь с мотивом «изгнания первого человека из рая», варьируется, образуя своего рода промежуточную сферу гомологии в пересечении кросс-уровневых единиц художественного текста.

Другой важнейшей функцией лейтмотивного образа шляпы в исследуемых текстах становится обнаружение биографически значимых событий. Примечательна в этом отношении мысль главного героя рассказа «Первая любовь», внезапно пришедшая ему в голову во время размышлений о своей возлюбленной: «<...> я всегда носил свою собственную шляпу, ту, которую подарил мне отец, и никогда не было у меня никакой другой шляпы, кроме этой» [Там же, с. 22]. С точки зрения обращения героя к личному опыту, пожалуй, еще более репрезентативны ранее

упомянутые нами воспоминания протагониста беккетовского «Изгнанника», воскрешающие сцену из прошлого, связанную с покупкой отцом главного героя шляпы своему сыну: «В магазине он направился прямо к шляпе. Я не оказал на его решение ни малейшего влияния, так же как и шляпник. <...> С того дня мне запрещалось выходить на улицу с непокрытой головой <...>. От меня требовалось чистить ее щеткой каждое утро и каждый вечер» [Там же, с. 80]. Справедливая мысль Р. Кон о теме памяти как одной из центральных в данном тексте, должна быть дополнена акцентом на композиции воспоминаний, возвращающихся в разной редакции во многом благодаря нетождеству повторов исследуемого нами лейтмотивного образа.

Так, несмотря на проявляющийся в разной степени изоморфизм содержания вышеприведенных примеров, следует отметить, что воспоминания протагониста рассказа «Первая любовь» воскрешают прошлое в сравнительно размытых очертаниях, в то время как возврат к минувшему опыту главного героя «Изгнанника» характеризуется элементами событийного ряда. Уместны в этом отношении размышления Е. Фарыно: «Один из путей нахождения границ повтора <...> – опознание мест, где включается память о предыдущих состояниях речевого потока (мест, где возможна была бы читательская остановка типа «это / такое / нечто подобное уже было»)» [Фарыно, 2004, с. 15]. Действительно, благодаря большей эксплицированности связи образа шляпы в рассказе «Изгнанник» с другими мотивами, в частности, с мотивом «изгнания первого человека из рая», о чем говорит само название произведения, исследуемый лейтмотивный повтор раскрывает больший объем заложенного в нем психологического и биографического потенциала и таким образом формирует внутренний сюжет в рамках отдельно взятого произведения.

Говоря о функциональном потенциале лейтмотивного образа шляпы в послевоенных новеллах Беккета, представляется целесообразным обратить внимание на то, как привлечение к анализу так называемого третьего текста позволяет обнаружить значение лейтмотивного повтора, выраженное имплицитно в рамках других исследуемых произведений автора. Так, в большинстве сцен из рассказов «Первая любовь» и «Изгнанник», в которых возникает образ шляпы, главный герой всячески старается избежать перспективы остаться с непокрытой головой. В этом отношении примечательно поведение протагониста «Первой любви», который, оказавшись в квартире своей возлюбленной, отказывается снять свой головной убор: «Снимите, по крайней мере, шляпу, – сказала она. – Возможно, я поговорю с вами о моей шляпе в другой раз» [Беккет, 2015, с. 30]. Нежелание героя расставаться со своей шляпой находит частичное физиологическое объяснение в рассказе «Конец», в ряде эпизодов которого главный герой указывает на плохое состояние своего здоровья: «Я не мог ходить с непокрытой головой, принимая во внимание состояние моего черепа. <...> Я прикладывал к черепу компрессы из водорослей, и они приносили мне огромное, хотя и скоротечное облегчение. <...> Шляпой я не мог воспользоваться [для сбора милосты-

ни. – Ю.С.] из-за состояния своего черепа» [Там же, с. 43–64]. Точное описание физического недуга героя, во многом определяющего его поведение, дается в одном из эпизодов «Изгнанника», когда протагонист из вежливости решает снять шляпу в доме извозчика, предложившего главному герою переночевать у него: «Он обратил внимание жены на пустилу, что была у меня на голове, так как из вежливости я снял шляпу» [Там же, с. 97]. Таким образом, рассказ «Изгнанник» становится своего рода экспликатой, раскрывающей в рамках рассматриваемых нами произведений связь лейтмотивного образа шляпы с болью телесного существования в мире.

Подводя итоги исследованию функционального потенциала лейтмотива шляпы в послевоенных новеллах Беккета, отметим его связь с основными темами творчества автора, синтезирующего экзистенциально-философское (реляции образа шляпы и мотива телесного распада / конечности человеческого существования) и биографическое начала (смерть отца, болезнь матери). Будучи многообразно варьируемым, исследуемый нами повтор вступает в связь с другими мотивами (в особенности с мотивом «изгнания первого человека из рая»), возникая в ином семантическом ореоле и таким образом обеспечивая органическую связанность элементов художественного мира малой прозы Беккета.

Литература

- Беккет С.* В ожидании Годо. М.: Текст, 2010.
- Беккет С.* Первая любовь. Избранная проза. М.: Текст, 2015.
- Доценко Е.Г.* Национальное и наднациональное в театре абсурда С. Беккета // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
- Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Токарев Д.В.* Курс на худшее. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.
- Фарыно Е.А.* Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
- Фарыно Е.А.* Повтор: свойства и функции // Алфавит: Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. 368 с.
- Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
- Astro A.* Understanding Samuel Beckett. Columbia: University of South Carolina Press, 1990.
- Bair D.* Samuel Beckett. London, 1978. 736 p.
- Cohn R.* A Beckett Canon. Michigan: University of Michigan Press, 2010. 417 p.
- Cousseau A.* «De l'importance des lieux dans "Premier Amour"». Topographie affective et topique littéraire // Samuel Beckett Today // Aujourd'hui No. 10. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 2000.
- Harvey L.E.* Art and the Existential in «en Attendant Godot». PMLA, Vol. 75, No. 1. Modern Language Association, 1960.
- Knowlson J.* Damned to Fame. London: Bloomsbury, 1996.
- McDonald R.* The Cambridge Introduction to Samuel Beckett. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

References

- Beckett S. *Vozhidanii Godo*. M., Tekst, 2010. (In Russian).
 Beckett S. *Pervaya lyubov'. Izbrannaya proza*. M., Tekst, 2015. (In Russian).
 Dotsenko E.G. Natsional'noye i nadnatsional'noye v teatre absurda S. Bekketa. *Tekst v kul'turno-istoricheskoy kontekste*. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo gos. un-ta, 2005. (In Russian).
 Silant'ev I.V. *Poehtika motiva*. M., Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 296 p. (In Russian).
 Tokarev D.V. *Kurs na khudsheye*. M., Novoye literaturnoye obozreniye, 2002. 336 p. (In Russian).
 Faryno J. *Vvedeniye v literaturovedeniye*. SPb., Izd-vo RGPU im. A.I. Hertsena, 2004. 639 p. (In Russian).
 Faryno Ye.A. Povtor: svoystva i funktsii. *Stroeniye povestvozatel'nogo teksta. Sintagmatika. Paradigmatika*. Smolensk, Izd-vo Smolenskogo gos. ped. un-ta, 2004. 220 p. (In Russian).
 Halizev V.E. *Teoriya literatury*. M., Vysshaya shkola, 2004. 405 p. (In Russian).
 Astro A. *Understanding Samuel Beckett*. Columbia: University of South Carolina Press, 1990.
 Bair D. *Samuel Beckett*. London, 1978. 736 p.
 Cohn R. *A Beckett Canon*. Michigan: University of Michigan Press, 2010. 417 p.
 Cousseau A. «De l'importance des lieux dans "Premier Amour". Topographie affective et topique littéraire». *Samuel Beckett Today*. Aujourd'hui No. 10. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 2000. (In French).
 Harvey L.E. Art and the Existential in «en Attendant Godot». *PMLA*, vol. 75, no. 1. Modern Language Association, 1960.
 Knowlson J. *Damned to Fame*. London: Bloomsbury, 1996.
 McDonald R. *The Cambridge Introduction to Samuel Beckett*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Yury I. Semenchenko (Rostov-on-Don, Russian Federation)

The Hat Motif in the Samuel Beckett's Philosophical Prose (on the Material of the Novels «La Fin», «Premier Amour» and «L'expulsé»)

This article regards the semantic realization of the hat motif on the material of the Beckett's French-language short stories («La fin», «Premier amour» «L'expulsé»). Being diverse, the hat motif is highly related to the other motifs and thus provides the coherence and integration of the author's literary world. The article also analyses the connection between hat motif and the major themes of Beckett's writing which synthesizes existential-philosophical and personal aspects.

Key words: *key-note, existentialism, experience, corporality, Beckett.*

Yury I. Semenchenko – post-graduate student. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication of Southern Federal University.

Phone: +7 (928) 964-34-20; e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru